

РОМАН ЗИНЗЕР

КИНГС ХАЙВЕЙ

16+

Роман Зинзер Кингс Хайвей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51598423

SelfPub; 2020

Аннотация

«Кингс Хайвей» – первая повесть Романа Зинзера. «Я не мог понять, как одну книжку можно писать 10 лет. Оказалось, можно. Я приехал в Нью-Йорк десять лет назад и сразу стал кропать что-то в дневник. Про город, про работу и клопов в моей съемной квартире. И кажется только сейчас я этот дневник закончил».

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

42

В ресторане не было окон. Он находился на подвальном уровне отеля, окруженный стеклянными стенами бутиков и шуршащим звуком эскалатора. Там играла музыка: что-то вполне соответствующее духу цивилизованного поедания блюд – бархатные Синатра и другие, с незапоминающимися именами тихой страсти в автомобилях и заведениях общепита из кожи и дорогих ароматов. К десяти вечера, за час до закрытия, менеджер ресторана Зейн включал «Никелбэк».

Несколько барных стоек напротив открытых для обзора кухонь и пара огромных столов заполняли все помещение. Посетители были вынуждены передвигаться боком, уступая дорогу басбоям с эшелонами грязной посуды в руках.

Теснота, как считали дизайнеры этого места, создавала теплоту и уют. По мне, так она только создавала большие трудности для посетителей. Ресторанный персонал сновал по залу черно-белыми пятнами, гости чаще были вполне скромно одеты, у многих женщин были очень красивые лица и открытые плечи, мужчины заросли кредитами и бородами.

– Марк, переставляй свои ноги быстрее, очень медленно! – это Эмили. Она стерва и меня не выносит. Ей где-то под тридцать, в ней пуд лишнего веса, но приятные губы и скулы. Ее можно назвать симпатичной и милой, но на работе я стараюсь быть с ней в разных углах ресторана: она в зале –

я обязательно начинаю искать дело на кухне, и наоборот. Ее раздражают мой ужасный английский и моя хладнокровная физиономия. Кстати, Эмили – мой шифт-менеджер и лесбиянка. Может, в этом тоже есть свои пять копеек к ее неприязни.

Эмили несправедлива: я неплохо работаю. Мне, конечно, вряд ли выдадут грамоту или диплом за искусство таскания подносов и объедков с посудой на них, если такие, вообще, существуют, но я очень вежлив, приятен и редко что-то роняю.

Да, я не пытаюсь сесть на все стулья сразу. Я помогаю одному-двум официантам, не больше, улыбаюсь только девушкам и русскоязычным, иногда являюсь в мятой белой рубашке, хотя дресс-код у нас строгий. На черный форменный фартук я часто ляпаю пятна, ежечасно хожу в туалет, и не по известному делу, а перевести дух, еще раз разглядеть себя в зеркале. Я могу опоздать на прешифты – собрания персонала для дегустаций, получения нотаций от менеджера, обсуждения вопросов и новинок в нашем меню перед выходом в зал. Прешифтов в день два: утром в десять и под конец утренней смены в районе четырех часов дня. Но еще раз, я вовсе не плох для басбои в нью-йоркском ресторане. Кстати, да, я с недавних пор в Нью-Йорке.

Рассказать, кто такие басбои? Басбои, раннеры, бассеры – это официанты без права принятия заказов. Помощники. Эти люди, как вороны, летают по ресторану в поисках забро-

шенных блюд и грязной посуды. Они принесут вам тарелки с дымящимся деликатесом, уберут и доедят то, что вы не доели, вытрут ваш стол или барную стойку, расставят бокалы и серебро, возможно, подскажут, как пройти в туалет. Говорить с ними не стоит: они вас не поймут, коммуникация у них часто хромает обеими ногами. Это работа начинающего иммигранта. Легального, скорее всего. Нелегалы, как я, собеседование в *fine dining*¹ места не проходят и растворяются по недорогим кабакам, дайнерам и пиццериям далеко от Манхэттена.

Басбоям платят неплохо. Помимо восьмерки долларов в час, к ним в карман идет двадцать-тридцать процентов от всех чаевых. А это с полсотни зеленых за смену. Официанты, правда, часто эти деньги просто воруют: распихивают кэш по карманам и не сдают его менеджеру для пересчета по окончании смены. Никто никогда ничего не докажет.

– Манвел на прешифт не явился, не могу до него дозвониться, – это Зейн, тоже мой босс, он же шифт-менеджер, сообщает мне новости. Зейн Латта – парень нормальный. Ему, так же как и Эмили, где-то под тридцать, он вежлив, корректен, мне понятны его шутки и замечания, которые часто по делу: не лапать руками тарелки, не ковыряться в носу на публике. Он носит пиджак или шерстяную жилетку, узкие брюки и большие бифокалы в толстой оправе. Иногда прицепляет бабочку непонятного цвета. За глаза его зовут Гарри

¹ Высокая кухня

Поттером, но при всем его внешнем виде отличника рожа у Зейна постоянно мятая и небритая.

– Буду признателен, если, Марк, ты его заменишь.

Манвел на прешифт не явился. Это значит, что тот, кто с утра, будет работать весь день или, как говорят, делать дабл. Дабл – две смены подряд. Я не против: дабл – значит сто двадцать, а может, сто сорок баксов за раз. Двенадцать часов на быстрых ногах выжмут и марафонца, но сто сорок есть почти треть от моей квартплаты за месяц или четверть от платы за обучение на моих курсах английского в семестр. Или семьдесят пять больших кружек кофе на утро. А с бейглом, вкусным бубликом, их будет сорок.

– Не проблема, Зейн, пиши меня, у меня есть лишнее время.

Манвел из Армении. Ему двадцать четыре, здесь он уже успел фиктивно жениться, выцыганить у государства зеленую карту – право на работу и жительство – и привыкнуть тратить «пейчеки»² на бензин для прокатных машин и «лэп-дэнсы»³ от стриптизерш. Я вам потом расскажу, чего ему эта грин-карта стоила. Он знает русский, и иногда, возле мойки очищая тарелки от костей и салфеток, мы отдыхаем ногами и болтаем о жизни других. Внешне Манвел немного похож на бандита из телевизионного сериала о 90-х в России: он также выплевывает короткие фразы, гундит и выдвигает

² Paycheck – чек с указанной суммой денег к выдаче на предъявителя.

³ Lap dance – стриптиз на коленях у клиента

вперед шершавую челюсть. Вчера, да, вроде вчера, был его день рождения, но менеджерам этого лучше не знать, тогда у Манвела останется шанс оправдать свое опоздание: придумать историю про болезнь, несварение желудка, ранение или что-то еще в этом духе и как-то спасти себя от увольнения.

До letting go, увольнения то есть, ему еще далеко: он пришел работать в «Плазу», наш ресторан, сильно позже меня. Официально тут у нас увольняют через сто двадцать дней с начала работы, иначе после этого времени мы можем вступить в профсоюз для работников ресторанной obsługi и тиранировать свое руководство за любую рабочую лажу. Якобы.

Профсоюз официантов, ха. Да, здесь есть и такой. Каждый месяц к нам на кухню заходит его главный глашатай – бородатый дядька итальянского типа, – раздает всем флаеры и визитки, снимает копии с документов потенциальных членов рабочей общины. Членство в ней, в профсоюзной общине, дает право законно требовать денег и хорошего расписания и трудового контракта с Брайана Кроуфорда – нашего главного менеджера. Брайану, мужику лет под сорок со свиными глазками и пузом беременной, вся эта контора по защите прав и свобод как кость в горле, поэтому нас – официантов, барменов, басбоев – ему проще заменить кем-то новым, чем ждать, пока мы вольемся в неуютную ему социалистическую шайку и начнем правомерно сосать его кровь и кровь нанявших его акционеров.

Мне, к слову сказать, в любом случае никакого профсою-

за не светит: я нелегал и никуда вступить не могу, но Брайану об этом сообщать мне нельзя, иначе карьера басбоя накроется сразу.

Черт, а ведь даже Манвел легален! Из всего front of the house – персонала обслуживания – я, кажется, только один без документов с нужными штампами. В back of the house – среди поваров и мойщиков – таких, как я, целые гроздья. Все они – мексы Ману и Херардо, чернокожий сенегалец Жуан, который днями драит полы и посуду и обедает внутри холодильника-склада, чтобы отдохнуть и остыть, Макс – пиццемейкер из Хабаровска, еще несколько нормальных ребят, имен которых я уже не вспомню, – очень забавны, обучают меня испанскому и готовят мне что-нибудь пожрать. Слова плохого о них не скажу. Они выживают на семь пятьдесят в час, повара на чуть больше – на тринадцать. На конвертах пейчеков, я видел, у многих из них не было адреса, только пустое окошко. Наверное, они и живут в ресторане.

Вот и Манвел. Пришел. Посиневший, небритый – день рождения наступил. В джинсах, футболке, работать сегодня он явно не будет.

– Что случилось-то?

– Проспал до четырех.

– Что скажешь?

– Проспал до четырех.

А я иду на прешифт, второй за день. Шеф-повар Майкл Суппа, американский итальянец, похожий чем-то на млад-

шего Корлеоне, только толстого, уже стоит с новой паэльей из мидий, и мне надо успеть что-то съесть хотя бы сейчас, на дегустации. Утром не вышло, и я остался голодным. Если и сейчас пропущу эти пробы, на обед придется хлебать отвратительный луковый суп – единственное, что сегодня готовят для персонала. Как французы, вообще, до такой жидкой дряни додумались?

По правилу все новые блюда сначала пробуют (плотно ими жрут) официанты, ведь это им рассказывать о них, им врать посетителям о потрясающем вкусе и необычайном аромате наших кулинарных изделий. Басбоев к fancy еде пускают потом, когда уже ничего от нее не осталось. Хотя честно, я не понимаю, как в десять утра можно есть мясную паэлью или сырые, липкие суши. Меня даже вечером от последних тошнит.

На прешифте Зейн заново раздал всем по участку работы. Меня с пиццы отправили на суши и «море». Сейчас поясню. Я уже говорил: наш ресторан состоит из нескольких барных стоек. За каждой стойкой открытая кухня: вы видите, что и как вам готовят. По крайней мере, вам кажется, что вы это видите. За каждой кухней закреплены свои типы блюд и продуктов. Так, мясной гриль – это бургеры, стейки и картофель фри. Пицца – это очень хреновая пицца и разная салатная зелень. Китайская кухня – лапша и пельмени. И наконец, кухня морепродуктов, японская и бар обыкновенный – с бутылками и ассортиментом бокалов. За всей этой дизайнер-

ской показухой находятся настоящий камбуз и посудомойка. Это место доступно только для персонала, там на самом деле и готовят все блюда. Ну или подготавливают к готовке.

У нас в ресторане все вкусно и хорошо. Все популярные истории про грязные руки кухонных рабочих, капли пота в заказах, несвежие ингредиенты, плевков в суп на счастье, член в греческом салате – все это бред фантазеров и писателей, чаще бывавших не на кухне хорошего ресторана, а в столовках детских садов и забегаловках для дальнобойщиков. Или вообще нигде не бывавших, кроме своего махрового халата и теплых тапок. У нас все было чисто, все были в перчатках и под десятком видеокамер. Бургер, упавший на пол, обязательно отправлялся в ведро.

Так вот, с пиццы меня отправили на суши. На суши работать легко и приятно. Здесь всегда мало народа: запах сырых морепродуктов никого не влечет, туда наши хостес сажают гостей только в случае отсутствия других вариантов. Еще около суши прохладно (нет печей и огня), и всегда есть о чем поговорить с поварами.

Повар Лысый Стивен (его все так зовут, я не помню его настоящего имени) с внешностью японского летчика-камикадзе времен Второй мировой сказал как-то, что давно хочет уехать в Россию и открыть там свой бизнес.

– Все ваши русские суши и роллы – полное дерьмо! Такой рынок стоит неосвоенным! Дайте мне денег – я научу вас готовить. Навезли вы к себе всяких китайцев с монголами:

типа, раз узкоглазый, значит, хороший сушист. Дерьмо!

Стивен для японца очень активен, на его лице всегда буря эмоций. Он провел какое-то время в России и умеет говорить без акцента по-русски «доброе утро». Он единственный островитянин у нас, все остальные «японцы» приехали из континентальных Непала и Южной Кореи и от этого немного стесняются говорить о себе и своих приключениях по пути из дальней Азии в Америку.

Я опять в туалете. Закрылся. Время открыть рыжий конвертик с чаевыми за вчера, там семьдесят. Хорошо.

Через проход, почти напротив дверей туалета, стоят бочки с фруктами и овощами. Проходя мимо них, можно стащить два банана и съесть их, сидя на унитазе. Или, юрко засунув в карман, унести сэндвич с сыром, реже с какой-нибудь рыбой из предресторанной витрины, и съесть его в закутке у служебного входа. Сэндвич для уборной слишком большой: поедание его там вызовет очередь страждущих сбросить балласт.

Дальше по коридору, за кухней, прямо между каморкой для менеджеров и клеткой с дорогим алкоголем, на которой висит гигантский амбарный замок, есть негласное место намаза. У нас два мусульманина: Баха, здоровый мужик из Палестины с огромной белозубой улыбкой, и черный, длинный,

как каланча, поваренок из Нигерии. Нигериец неразговорчив и незаметен, Баха виден издалека: он любит опаздывать, пить крепкий кофе каждые десять минут и рассматривать стринги клиенток. Он силен, как два КамАЗа, и запросто может унести по четыре кувшина с водой в руке. Это двадцать неудобных килограмм.

– Марк, двадцать баксов – твои. В исламе тому, кто нашел чей-то кошель, принадлежит десять процентов от его содержимого.

У Бахи произошла катастрофа: он вчера потерял свой бумажник в метро, когда мы вместе ехали домой. Там были пара франклинов⁴, куча пластика и документы. Я бумажник нашел: он оказался у меня под сиденьем в вагоне, и на следующий день вручил его горемычному Бахе. Тот обещал за меня помолиться и любыми путями всучить эту двадцатку. Я отказался: у него и так денег нет ни фи́га, да и вряд ли в исламе про десять процентов хоть где-то написано. Знал ли, вообще, Мухаммад, что такое проценты?

– Нет, ты возьми эти деньги. Они не мои, – Баха, казалось, сейчас заплачет от счастья. А плачущим этого палестинца представить просто нельзя. КамАЗы не плачут. Подошел Манвел.

– Марк, будет рублей двадцать до послезавтра? – Манвел немного проснулся и, видимо, проверил пустые карманы. Доллары он всегда называл рублями.

⁴ сто долларов

– Ты поговорил? – спросил его я, имея в виду наших менеджеров.

– Да, все нормально, завтра – уик-энд, послезавтра – ночная.

– Спроси у Бахи, у него есть ненужные двадцать.

У Бахи все в порядке: он тоже с грин-картой. Его американская жена работает брокером на Уолл-стрит и кормит обоих. Или что-то вроде того. Свои чаевые Баха раз в неделю спускает на покер в одном из игорных подвалов Бронкса. Мы с ним вместе будем встречать Новый год на работе: сегодня Брайан вывесил расписание на праздники. Все остальные басбой пойдут смотреть это дурацкое падение яблока на Таймс-сквер или просто в другую таверну что-то жевать в телевизор. Но я бы тоже пошел. Даже с радостью.

– Ко мне жена придет на работу, я вас познакомлю. У тебя есть какая подружка? – спросил Баха.

– Нет, я мастурбирую. Чаще интеллектуально, впрочем.

– Найди себе girl. Американскую. Ты с документами?

– С документами, но неправильными.

– Какими?

– Учебная виза без права работы.

– А чего ждешь?

– Большой любви с синим паспортом. И с маленьким лексиконом. И зубами чуть посерее.

– Да по херу это. Возьми да найди.

– А ты меня любишь, Баха?

– Я люблю тебя, Марк: ты мне бумажник нашел.

– Вот. Твою любовь мне есть чем купить. Остальное идет все на гамбургеры и оплату коммунальных услуг.

– Улыбайся чаще. И не порти людям мозги размышлениями.

– Я записал. Буду заучивать.

Я говорил вам про Манвела и как он заслужил себе право на жительство? Так вот. Тут все покупается. Ну почти все. И грин-карта покупается. Только в рассрочку. Ты скапливаешь тысяч десять–тридцать и покупаешь себе невесту. Или жениха. Женихи стоят раза в четыре дешевле, так как спрос на них ниже. Только совсем «ядерная» или принципиальная девушка не сможет найти себе нью-йоркский вариант бесплатного замужества в Штатах. За мои полгода здесь не знаю таких неудачниц.

Есть целые сайты с резюме кандидаток в «грин-картные» жены. В штате Нью-Йорк вся эта матримониальная история встанет в тридцать тысяч в карман невесты. Плюс-минус. Это на начальном этапе. Если не лень тащиться в Арканзас, то можно сэкономить тысяч пятнадцать. Играется свадьба, и в течение пары лет «новобрачных», один из которых не местный, иногда зовут в эмиграционные органы. Подтверждать, что их брак не фиктивный. Спрашивают, где супруги живут, какие сосиски жарят на барбекю и какие позы предпочитают. Просят показать фотографии. Соцсети. И прочую ересь. Тут не обойтись без фотошопа и прочих приколов. Бывает, что

«невеста», получив заветные деньги, не выдерживает двух лет «совместной» жизни и делает ноги от «жениха» раньше времени. Тогда молодой человек садится в лужу, и план его американской ассимиляции катится... Ну понятно, куда катится. А если два года прошли и все хорошо – тадам! Грин-карта получена. Теперь можно разводиться, жить и работать. У Манвела все в этом плане сложилось.

Сегодня в «Плазу» пришли русские. Я сразу их вижу. Это была семья: мужик и женщина лет по сорок пять, и с ними дочь лет двадцати пяти. Красивая. Очень красивая: черные длинные волосы, рост где-то метр семьдесят. Они сели за один из столов, не за барную стойку, и стали изучать меню. Через пару минут они начали оглядываться в поисках официанта, но наши все носились с языком на плече. Был вечер. Людно. Вместо официанта к их столику подошел Зейн, чтобы принять заказ. А через минуту Зейн подошел ко мне, сказав что-то вроде: «Они вообще по-английски не секут, ты же знаешь этот ваш «пшеш-пшеш» язык?».

– «Пшеш-пшеш» – это польский, а я знаю русский, – ответил я Зейну.

– Да по фигу, сходи. Помоги, а? – сказал он.

– Yes, sir! – по-армейски ответил я ему.

Русская семейка удивилась, что к ним подослали русскоговорящего, но порадовалась. Они быстро заказали устриц, вина и что-то еще существенное пожевать. Я традиционно задержался чуть поболтать с соотечественниками. Они это любят и оставляют больше чаевых, если ты успеваешь им кратко поведать про свою жизнь.

– А вы тут как, Марк? – задал мужик обычный вопрос. У него было лицо серьезного человека, с которым он так и не расстался даже после двух или трех бокалов вина.

– Учусь, ну и вот работаю.

– Да, а я себя полной дурой чувствую, что даже про устрицы этому вашему, в бабочке, официанту объяснить не могу, – сказала дочь мужика. Она действительно была дочерью, ее звали Мария, и приехали они из Москвы в Нью-Йорк на отдых и шопинг. Я заметил, что шопинг, видимо, не удался, так как эта Мария была в легкой кожаной куртке и в подобии туфель. А на улице был дубак.

– Просто думала, что зимой тут теплее. Дважды дурочка, – сказала она и белоснежно улыбнулась. Я поболтал еще пару минут и откланялся.

Зейн, поджидая меня у терминала заказов, спросил, как все прошло.

– Все гуд. Им очень понравилась твоя бабочка, – ответил я. Зейн хотел было улыбнуться, но понял, что это не комплимент, а стеб, и нахмурился.

Когда мои соотечественники рассчитывались, мужик су-

нул мне пятьдесят долларов в руку.

– Спасибо, Марк, – сказал он.

– Устрицы вам понравились? – вежливо, по-официантски спросил я.

– Устрицы я терпеть не могу. Спасибо за хороший пример, – ответил он.

Скажу честно, я не понял, что он имел в виду, но полтиннику порадовался. Уже потом, под конец дня, я попросил Зейна этот полтинник мне разменять. Десятку я отдал Бахе, который носил блюда моим согражданам, и десятку Манвелу: он эти самые блюда потом уносил. Так у нас устоялось: чаевые от своих – русских, арабов, кавказцев – мы делили между собой.

В выходные мы закрываем ресторан в одиннадцать вечера. Выживаем гостей, моем столы и барные стойки, получаем талон об окончании смены с точным, до минуты отработанным временем. Потом мы грабим нашу витрину. Все тащат роллы и сырно-рыбные булки, каждая баксов по десять. Я роллы не ем, а недобор компенсирую сэндвичем с ветчиной. Тоже десять долларов, кажется. Бесплатно. Красота.

Уже в метро, заменив туфли на беговые кроссовки под все те же черные брюки и белую рубашку, я еду и давлюсь всухомятку наворованным. После метро до дома еще идти минут

десять. Я живу в Бруклине, на Кингс-Хайвей, линия метро F.

В квартире прямо напротив моей кто-то умер вчера, еврей или еврейка. На лестничной клетке с самого утра раздавались шарканье подошв и разговоры в несколько голосов. Через приоткрытую дверь была видна гостиная с кучей старых стульев и сдвинутыми буквой П овальными столами. За ними сидели трое мужчин и пожилая женщина в выцветшем халате.

На первом этаже в подъездном предбаннике висело что-то похожее на расписание выступлений скорбящих гостей с названиями тем для беседы на иврите. Время и даты стояли в английском формате.

Сами прибывающие на невеселое торжество мужчины и несколько женщин были при полном параде: черные плащи, шляпы, длинные юбки и прочие «симпатичные» аксессуары ортодоксального иудейства. Или неортодоксального. Убей, не знаю. Короче, хасидов. Кажется, так их зовут. Многие мужики приходили с айподами, женщины с шуршащими пакетами из продуктовых лавок с Кингс-Хайвея. Все некрасивые. Женщины, не пакеты. В черном, в толстых колготках и башмаках.

Я стараюсь пройти мимо этих людей очень быстро. Я не еврей, и, несмотря на все мое любопытство, мне немного

неловко.

Снаружи – Оушен-Парквей, проспект, как река, берущий начало где-то в холмах бруклинского даунтауна и впадающий в океан. Буквальный океан. Атлантический. Моя шестизэтажка, выстроенная, как и все дома для людей на пособиях, в форме креста, завернута в леса и веревки. Активная стадия ремонта.

Здесь всегда дует ветер. Километры воды в двух шагах от места моего обитания приносят свежую влажную пыль. Вообще, конечно, ничего они не приносят, но звучит это очень красиво. Нагнал я пафоса, да?

Сегодня тепло, солнце щурит глаза пешеходов, отражаясь в витринах и на ржавых вывесках окрестных трущоб. Все окна супермаркетов и стены жилых домов для иммигрантов-бюджетников заклеены рекламой вакцины от гриппа: красивая кудрявая девушка на ней показывает свои банки и сжатый бицепс на левой руке. Двадцать семь долларов за процедуру.

Вокруг моего дома очень много кабинетов лойеров, зубных и ортопедов с отформатированными под латынь кириллическими именами: Nick Korsunski MD; Tanya Katz MD; Abe Shpakov MD PhD. Это значит, что район тут хороший, раз здесь практикует белая косточка эмиграции – эскулапы и правоведы. Ими непросто стать. Пролетарии обживают места намного грязнее. Впрочем, это они сами их превращают в такие, как Брайтон или Джамейка. В сроч. С тараканами и

прочей «радостью».

Я живу тоже с врачом, точнее с медсестрой на частичной занятости в какой-то больнице. В смысле она снимает двушку и сдает одну комнату мне и руммейту⁵ Юре. Ей лет пятьдесят, у нее большой старый джип и короткие толстые ноги. За пятнадцать лет в США это все ее приобретения.

Ее зовут Мария Михайловна, и хотя в Америке отчеством никто не пользуется, она продолжает на нем настаивать. Она та еще тварь: постоянно что-то мутит с моими счетами за коммуналку, не дает провести Интернет в нашу комнату, много советует по моему внешнему виду: то «Марк, ну-ка оденься теплее», то «а шапка-то тонкая». Выносит.

Но это не самое страшное. Эта Мария говорит. Она говорит постоянно, говорит обо всем, и ее не заткнуть. Способ спастись только один. Надо знать до секунды, когда она встанет на работу, идет по нужде, что-то готовит на кухне, – все для того, чтобы не столкнуться с ней в лобовую и молодости не завянуть от скуки.

– Марк, раз ты сегодня на отдыхе, поставь и наряди тогда елку, – сегодня я не успел увернуться от говорящей метелки.

– Да пошла ты в жопу, старая слякоть, у меня раз в год выходной, и срал я на все твои елки!

Это я только так думаю. Никакую елку я, конечно, ставить не стану, но промолчу. Еще рано. Еще квартплата за месяц не кончилась. И да, у меня сегодня выходной.

⁵ соседу по съемной комнате

Сегодня, правда, очень тепло на улице. За декабрь я уже успел привыкнуть каждый день продуваться до кашля по пути на станцию метро и выздоравливать в тот же вечер на работе. И солнце тоже приятно, совершенно, как оказалось, не спит. В теплый зимний солнечный день этот город в центре пахнет копченными на открытом огне кренделями и хот-догами, возле метро – типографской краской и бомжами, а на моей русской окраине – хлебом и выхлопными трубами. Но, вообще, в Нью-Йорке в декабре очень холодно.

Бруклин под солнцем очень вкусный и симпатичный, правда. Когда у тебя пустота и в холодильнике, и на всех полках для сыпучих продуктов, когда твои окна выходят во двор, куда не проникает свет, и живешь ты с болтливой иммигранткой и соседом-задротом, тоже, кстати, смертельно болтливым, внешний мир становится очень выпуклым и аппетитным. Солнце, три зеленых светофора подряд. Все в радость.

От дома мне нужно пройти метров сто двадцать туда, где кофейня – мое развлечение на выходной. «Бейгл Бой» называется. Тут всегда очень жарко и вокруг всегда люди. Я знаю, что никогда в жизни не заговорю с ними просто так, и никогда их больше не увижу, и, вообще, все они, скорее всего, хорошо прожеваны бытом, выходят на улицу только по делу, заходят в кофешопы действительно только с целью поесть и потом идти дальше. Но это неважно. Мне нравится быть среди незнакомых людей и смотреть на их беготню и общение.

Да, завтра я тоже возьму ноги в руки и буду куда-то опаздывать. Но сейчас, в полпервого дня, я буду сидеть и делать как можно меньше движений.

Мне повезло: я пришел в ее смену. Она, та, от которой весь внешний мир на какое-то время сжимается до размера ее лица и, может быть, чего-то еще, у меня есть в каждом магазине, на каждой улице, в любом помещении, на работе.

Здесь, в этом кафе, Она – это кассирша. Нет, девушка за кассой с копной зашпиленных серых, нет, не седых, волос и худыми ключицами. Ее зовут София. От нее не пахнет едой, в отличие от ее имбецильных коллег-кофеваров и бутербродных маляров с жирными лицами и обезьяньими жестами. Но они могут с ней говорить, обнять, заграбастать ее плечо или руку. Я могу только что-то забыть на прилавке, вернуться, улыбнуться и, заново проверив свой пустой лексикон, сесть за стол наслаждаться безмятежностью позднего утра и хорошей погодой. Трус, одним словом.

Не помню, кто это сказал, что человек ошибается и только этим он интересен. Или что не ошибается тот, кто не делает ничего. Какая-то такая ерунда, в общем. Я ничего не делаю, я даже боюсь попросить у нее лишний сахар для кофе. Короче, не обращайтесь внимания – это я жду, пока у меня Интернет с вайфаем загрузится. Загрузился – я на просторе, можно понажимать на кнопки.

Время три, батарейка села, лица соседей справа и слева поменялись несколько раз. Я прислушивался к их разгово-

рам, я люблю это делать, пару раз даже понимал, о чем там шла речь.

Одна девушка за правым от меня столом искала работу. Ее пригласили в маникюрный салон, поговорили с ней и сказали, что сообщат о решении. Да, мне это очень знакомо. Ей срочно нужны были деньги, девятьсот долларов, и она все время кому-то звонила.

Однажды я тоже «собеседовался» на место администратора на ресепшен в маникюрном салоне. Я стеснялся и путался с языками. Тогда она также сказала, что позвонит. Да, девушка, проводившая собеседование, тоже Она, выбивающая из головы все адекватные слова и ясные мысли. Не знаю, позвонила она потом или нет, потому что на следующий день я уже устроился в свой ресторан и на время смены выключал телефон.

С другой стороны от меня сидел парень с бессмысленным остроугольным лицом, которым, наверное, можно было бы колоть дрова. По крайней мере, я бы попробовал. С ним сидела его страшная герлфренд, вполне удачная копия антилопы в момент опасности. Сидели они долго, жрали какие-то дорогие по местным меркам салаты и кексы. Откуда такие уроды берут деньги?

Говорили они о какой-то непонятной чепухе и использовали много имен. «Позвони Васе, пусть Коля тебе скажет, а Джон приедет? Ну и что вы с Машей делать будете?». Смысла подслушивать такой разговор вообще нет, а просто сидеть

и смотреть на эту парочку вредно. Противно. И противно, простите, не так, как при виде вскрытого трупа по телеку, обрубков ног инвалида или чьего-то огромного прыща на щеке, или даже кучи говна на дороге, от которых, как ни тошно, почему-то всегда сложно оторвать взгляд. Нет, вид этих двоих просто так и кричит: окружающий мир не черный и белый, красивый и некрасивый, он даже не серый – он обесцвеченный и затертый до ниток.

И как же я ненавижу, когда в разговоре один на один с девушкой, даже с девушкой-другом, появляются какие-то левые третьи лица! У меня есть проблема с этим. Мне постоянно рассказывают про каких-то товарищей, мне вообще незнакомых, и как они хорошо что-то делают, как все у них получается. Просто бесит! Я не завидую и не ревную, но, если так хочется, почему бы об этом третьем прекрасном субъекте не поговорить с ним самим? А я хочу трепаться о себе и слушать о той, кто напротив. Или сбоку. Погода, еда, философия, комплименты, прочие сопли, да даже работа живых положительных персонажей в рассказе не требуют. От их появления начинает мутить, и хочется что-то, стакан или тарелку, швырнуть с расстояния в урну и намеренно в нее не попасть.

После кафе мне надо в банк. Хождение в банк, даже не в сам банк, а к банкомату вызывает у меня удовольствие, сравнимое, наверное, разве что с эротическим. Процедура засовывания в чрево машины своих чаевых и проверка медленно

растущего счета наполняют меня радостью, мало чем объяснимой: от прироста этих копеек в моем бытии ничего не изменится. Как были луковица, арахисовое масло и два спертых сэндвича из ресторана в моей части холодильника, так и будут. Но я все равно каждый день наведываюсь к аппарату и избавляюсь от кэша.

Мой руммейт Юра, с которым мы комнату снимаем, напротив, все свои круглые суммы рассовывает по углам нашей квартиры и иногда пересчитывает, проверяет на ощупь, разве что не надкусывает. Я однажды застал его за фотографированием разложенных ровным квадратом метр на метр двадцаток. Придурок, лучше б бухал. Хотя я со своим банком такой же. Юра, кстати, тоже работает в ресторане, в какой-то нарядной пиццерии. Вроде даже гордится.

Вообще, в выходные часто бывает нечего делать. Я не знаю, чем их занимают другие: спят до полуночи, решают бытовые проблемы, смотрят ящик? Немногие, наверно, идут с друзьями куда-то поесть или в кино, хотя чаще всего это все те же друзья по работе. У меня друзей нет, и я просто хожу вдоль Бродвея и фотографирую здания. Но это в хорошую погоду. В плохую – раньше ходил по музеям, сейчас уже мутит от той кучи гениальных работ, в них собранных. Слишком много их под одной крышей. Как опять же кто-то сказал, одной картины Рембрандта достаточно для целого города. «Одной хорошей идеи хватит человеку на всю его жизнь», – это уже говорю я, мечтательно задрав голову к по-

толку супермаркета. Хорошей идеи у меня пока нет, поэтому завтра надо работать. Выходной у меня только один, и надо еще купить что-то поесть на сегодня.

Кстати, о поесть. Знаете, что я обычно покупаю в магазине? В «Ки-Марте», который на углу Кингс-Хайвея и еще какой-то улицы, не помню ее названия? Пачку мороженой тилапии – 3 доллара, банку бобов – 1 доллар, «Сникерс» – 1 доллар, арахисовое масло или ягодное желе – доллара за три и пачку брауни – сладкого мягкого шоколадного печенья типа нашей «картошки». Все. Как видите, сладкого больше: просто его на работе не дают, а хочется.

– Марк, мне нужна вода на все мои столы.

– Конечно.

Нашим официантам я всегда отвечаю: «Конечно», хотя это не означает, что я отправлюсь делать то, о чем меня попросили. Дело в том, что я не очень себя уверенно чувствую в диалоге с англоговорящими от рождения людьми, но не хочу этого показывать. Правда, принести воды для меня –

лишний повод покрасоваться умением, не морщась, за раз пронести три полных кувшина в одной руке. А красоваться есть перед кем.

Сегодня утренняя смена. Завтра – вечерняя. Это мой график. Народу нет: говорят, наверху погода плохая. Когда погода плохая, дождь или снег, окрестные бизнесмены по ресторанам на ланчи не ходят, сидят, видимо, в своих прозрачных небоскребах и жуют бутерброды из дома. Редко могут появиться влюбленные пары: парень и девушка, пожилая чета, парень и парень, других вариантов не видел.

Утром время очень быстро летит. Пока оботрешь спиной все пустые углы от безделья, скрутишь в наборы все серебро, поешь чего-нибудь несколько раз, если удастся, проходит полсмены.

Закручивать серебро в салфетки – самый приятный отрезок работы: не надо ходить, и с дальней позиции можно созерцать весь ресторан со всеми его муравьями. Много думать, всегда начиная с: «Что я, вообще, здесь делаю?»; потом: «Мария, какие у тебя красивые ноги!»; дальше: «А ведь эти двое за дальним столом – педерасты!» – и опять возвращаясь к: «Что я здесь делаю?».

Ленивые басбои соревнуются за право возиться в тишине с серебром. Те, кому охота работать или быть на хорошем счету у шифт-менеджера, это занятие не любят. За столовые приборы официантами не становятся. Здесь нужны пена у рта и прищуренный взгляд.

Да, да, быть официантом – это честь и повышение, если раньше ты бегал в басбоях. Знаете, как стать официантом и получать сотни три за смену? Делайте всегда неуспевающий, озабоченный вид и приставайте к начальству с любым дурацким вопросом. Ему это нравится. А я все всегда успеваю, и для милой беседы у меня слишком плохо подвешен язык.

Сегодня Рождество, кстати. У нас праздничное меню, из которого я опять ничего не успел попробовать. Зато была дегустация вин, всем досталась порция какой-то отличной французской настойки. Очень приятно работать, когда с утра тепло в животе. Не так хочется есть, и лица у всех чуток веселее. Каждый день бы еще наливали.

От вина осталась треть бутылки, Баха под шумок унес ее к себе в раздевалку.

– Баха, тебе же нельзя пить.

– Это я тебе. А то фейс что-то унылый.

– Пью много.

– Спишь много. Пойдем в покер после смены играть.

– Не умею, ты знаешь.

Баха сегодня опять опоздал. Говорит, что по пути задержала полиция «в честь Рождества», лицо им его не понравилось. Наши ему все поверили: с его лицом «сегодня я забыл бомбу дома» в его слова нельзя не поверить, иначе силуэт культурных стереотипов очень сильно пошатнется. Арабы – товарищи под подозрением. И палестинцы. Всем так привычнее.

На Рождество к нам никто не идет. Уже двенадцать, а всего трое жрунов: прямо передо мной сидит одинокий замерзший мужик и пьет свою чашку какао, чуть дальше два гея, о которых я уже говорил.

– Эван, это к тебе.

– Пошел в жопу, Марк.

– Ни за что.

Эван, бывший басбой, теперь официант, тоже гей. Он был моим типа коучем в первые дни работы здесь и до сих пор продолжает «лечить» меня. О его нетрадиционности мне кто-то сказал, сам бы я ни за что не допетрил: ничего в нем особенного нет, не гундосит, без телевизионных ужимок.

Много у меня в последнее время контактов с такими людьми. До сих пор не привыкну, когда два лысых верзилы, как сегодня, держатся за руки и говорят о погоде. Хотя я совершенно не против. Больше женщин достанется мне. Теоретически, конечно. Я говорил уже, что не очень преуспел в этом деле, и вечерами часто бывает немного грустно. И чем больше народу вокруг, тем даже хуже. Правда, есть Интернет и порнуха.

Я удивляюсь, как этот Эван так быстро насобачился вертеться в новой среде. Эван – мекс. Чистый, породистый мекс. Короткий, квадратный, с широченными скулами и глазами как два быстрых мазка женской тушью. Из Мексики он свалил три года назад, сейчас то ли учится где, то ли только работает – непонятно, он ничего не рассказывает о себе. Но

другие сливают. Говорят, на юге Штатов с такими «цветными» построже, и поэтому он наострил лыжи на север. Сначала жил в Калифорнии, работал продавцом в «Кентаки Факин Чикен»⁶, потом перебрался в Нью-Йорк.

Умение залезать в зад без мыла, это я сейчас фигурально выражаюсь, принесло ему в здешнем ресторане четыре тысячи в месяц, грин-карту, ненависть всех басбоев и доверие администрации нашего заведения. Эмили от него без ума, она даже рацию дает ему самую новую, нешипящую и с чистым наушником. Рации положены всем басбоям, чтобы оперативно знать, какие и где блюда готовы и куда надо идти убирать за гостями.

Сам Эван – отличный актер: он вечно в спешке, с пеной у рта пашет за целую роту и успевает подгонять остальных. И это слишком сильно заметно. Я вижу его иногда на кухне за холодильником, жрущего остатки с тарелок. Очень неторопливо. Чавк-чавк.

Чаевых сегодня будет баксов на тридцать: весь день просто стою и надраиваю салфеткой вилки и ложки. Уже почти два месяца, как я здесь работаю. Надоело до черта. Те же непонятно почему веселые люди, коллеги, я имею в виду, посетители понятно почему веселые. И все почти в полтора раза старше меня, за тридцать, но до сих пор таскают подносы. Сюсюкают с посетителями. Воруют еду. В туалете распахивают по карманам зарплату: басбои – свои двадцать процен-

⁶ Сеть быстрого питания KFC

тов, официанты – наши двадцать процентов. Все те же мокрые тряпки для протирания столов. Витрины. Заношенные «Excuse me» и «Welcome». Прешифты. Метро на 6-й авеню с закрытым выходом на правую, нужную мне сторону улицы.

Здесь, на точке упаковки столовых приборов, как будто зависаешь. Вокруг тебя мельтешат люди, создают какие-то звуки, какие-то запахи. Кто-то подходит, иногда говорит, что-то спрашивает, а ты слушаешь, дружелюбно киваешь, но не помнишь ни единого слова и интонации, ни кто это был и что ему/ей было нужно.

Рядом со мной уже минут десять трется другой бассер в черном фартуке с оторванным передним карманом и что-то шепчет мне в ухо. Хочет сменить меня. Типа «Ты, наверно, устал уже? Сходи выпить кофе. Я, так и быть, посторожу твое серебро». Мудила! Ладно, пусть отдохнет. Всегда забываю его имя. Энрике, да, его зовут Энрике. Но я зову его Лысый Урод. Потому что он лысый и жирный.

Ладно. Надо и правда за кофе идти. Я уступил место Уроду.

– Гриш, где мне нормально подстричься? Чтоб баксов пятнадцать?

– Пройди шесть блоков отсюда на юг. Угол второй и пять-

десять первой, там будет табличка «Boris' BarberShop», – по-русски ответил официант Грэг, светловолосый парень, урожденный воронежец, в десять лет доставленный предками в Бостон. Неродной племянник какого-то знаменитого советского актера, кстати. Я только забыл какого.

– Boris? То есть Борис?

– Да, там главный владелец и парикмахер Борис, он еврей лет сорока из Одессы. Одновременно стрижет и морит приколы. Скажи, что тебя Гриша прислал, – и мне, и тебе тогда, может, что скинет, – сказал Грэг.

Стричься я пошел сразу после утренней смены. Парикмахерская нашлась быстро: большую желтую табличку с ножницами было видно издалека на фоне бледных баннеров с нарисованными на них чашками чая и китайскими иероглифами.

На мою фразу «I'm kinda lookin' for Boris» низкий потрепанный мужичок, склонившийся над шахматной доской с расставленными для игры фигурами, кивнул на толстого дядю с копной черных волос в форме горшка.

– Здравсте, Борис, я от Гриши, подстричься, – сказал я, зачем-то сразу приплетя Грэга, словно я не за стрижкой пришел, а за чемоданом наркотиков. Прозвучало все это как-то по-гангстерски.

– От Гриши? Че за Гриша? А-а, парень светлый такой, клиент мой постоянный, да?

– Точно.

– Ну тогда за десятку при условии, что ты тоже другим расскажешь, как шикарно Борис здесь стрижет всех. Прямо шикарно! Вэт воркс?⁷

– Работает, – ответил я, усаживаясь в низкое кресло.

– А что уже ты лысый такой? Тебе лет сколько? Или радиация дома?

– Двадцать два. А радиация, да, у меня там, на родине: когда-то под Тоцком испытания проводили. Давно, правда, лет пятьдесят назад.

– Вот и я говорю, а пятьдесят лет вообще херня, а не срок. Тоцк – это где Орск рядом, что ли? У меня там племянник живет.

– Да, там.

– А здесь где живешь? Тоже, как Гриша, официантом гоняешь? – спросил Борис,

примеряя к моей заросшей голове машинку для стрижки.

– В Бруклине. Да, тоже официантом.

– Fuck, в Бруклине! Мы все в Бруклине живем! Где именно-то?

– Кингс-Хайвей.

– А, мы туда раньше ездили по клубам девок хватать. Ну тех, которые, знаешь, на лето приезжают подработать. Сами они английский ни фига не знают, денег нет у них, а тут ты часов в пять ночи приезжаешь на тачке, берешь их, уже полубухих, в какой-нибудь ресторан дорогой, вино, красиво, и

⁷ Договорились?

сразу нормально все. И им нравилось. Ты давно здесь уже?

– Шесть лет, – соврал я. Борис явно хотел разразиться важными советами и нотациями, надо было это предупредить.

Со стрижкой он управился за десять минут: просто сбрил машинкой все волосы и пару раз пощелкал ножницами то, что осталось. Ножницы он обтирал об штанину. Стрижка получилась хуже некуда: теперь я совсем стал похож на солдата вермахта. Выйдя на улицу, я хорошо чувствовал, как ветер холодил былую... Хм, как приятно морозил мой помолодевший, полуголый череп. Было шесть часов вечера, солнце уже садилось.

Уже третий месяц у моего носа большим красным пятном зреет какая-то фигня. Буквально. Физически. Это не прыщ, они все уже почти прошли, а грибок какой-то. Раз в неделю это пятно слазит чешуйками кожи, но продолжает держаться. Началось это еще до переезда в Нью-Йорк, в Атланте, когда я учился на курсах английского при местном институте, ужасно дорогом, но с очень грамотными преподами. Черт возьми, там было столько хороших людей, разумных, красивых. Зоопарк непосредственности. А я с лексиконом в два слова и физиономией сбежавшего из лепрозория. Короче, не

к месту.

В Нью-Йорке надо было прилично выглядеть, чтобы искать работу, и я купил себе пудру. После нее мой нос менял цвет с красного на нежный пурпур и напоминал размытый синяк. Но синяк на лице смотрелся все-таки лучше инфекционной отравы.

Еще и поэтому я часто захожу в туалет на работе – для макияжа. Обновлять требуется раз в два часа.

В Нью-Йорке есть работа для всех, как мне кажется. Я потратил всего десять дней на поиски. Юра, мой сосед по комнате, за это время поменял две должности. Здесь только ресторанов семь тысяч. В каждом минимум тридцать человек персонала. Умножьте сами. В Атланте не так. За три месяца жизни там я лишь однажды проник на интервью на должность мувера, грузчика мебели то бишь, в компании «Два мужика и фура». Работодатель Дэн с глазами и челюстью человека, каждый день спасавшего мир от смертельной угрозы, сказал, что русских он любит, но лишней работы у него нет: «Прости меня, бадди!».

– А зачем тогда объявление?

– Не знаю. Я ничего не давал. Но я позвоню, если будет у нас что, окей?

Через дорогу от ангара фирмы муверов стоял знак, что здесь, прямо на этом месте, была важная битва времен Гражданской войны. Южане в ней в один из последних «разов» победили северян.

Сами курсы в Атланте стояли много – две двести баксов. Это за два месяца. Но весь персонал их вполне отрабатывал. По сравнению с тем российским вузом, где я раньше учился, местный институт был совершенством. Там было нескучно. Там профессора приходили на занятия в шортах и пляжных рубашках навыпуск. Я не проспал даже ни дня и прилежно являлся в восемь утра по пять раз в неделю.

Там было много разного народа. Каждый щебетал друг с другом о чем-то своем: арабы, наверно, о том, как хорошо, что за них платят их государства, латиносы – про любовь, азиаты – о еде и атомной бомбе у Ким Чен Ира. Ына. Как его там? Из Европы, ну как бы из Европы, я был один. Правда, сначала еще появлялась русская девушка Таня, но она была страшная, как торпеда, и поэтому в расчет не бралась. А потом она вообще куда-то пропала. Нашла жениха? Или свела счеты с жизнью? Не знаю.

Говорить мне о чем-то, кроме правил английской грамматики, было не с кем. Будь я способен прилично hablar español, можно было б сразу переходить к дружеским поцелуям с потомками конкистадоров. И разговор бы потек сам собой. Но я не знаю испанского, и латиносы в курсе, что в Северном полушарии интимная зона у человека якобы шире, и целоваться не лезли. Идиотские стереотипы.

Но один раз мне повезло. Ее звали Лусиана. Она была мечтой из какой-то сверхдалекой, невозможной Колумбии. Она до сих пор моя мечта. Хотя... Не важно, впрочем. И

нет, мы не встречались. Не дружили. Как там это называют? Только в перерывах между занятиями сидели на улице и что-то произносили, за полчаса всего где-то слов двадцать.

Один раз вместе мы съездили в торговый центр где-то на севере Атланты, там она купила себе две тесные майки и узкие протертые джинсы. Я сказал, что ей они очень идут, они, правда, ей очень шли. Там же, только несколько позже, усевшись и закинув в фуд-корте ноги на стол, мы съели по гамбургеру. Я говорил про Россию и как там все нормально. Она с пониманием кивала, смотрела, но думала явно о чем-то другом.

Пару раз она довозила меня до дома на своем маленьком пузатом, как мой плазовский менеджер Брайан, «Крайслере». Остальное время я «юзал» метро.

Потом в октябре у нас кончились курсы, и у меня кончились деньги. Я уехал в Нью-Йорк. Она вернулась на облако.

Теперь она иногда мне пишет в «Фейсбуке» бессмысленные «Как дела?» и «Когда ты приедешь в Колумбию?». Отвечаю: «Дела хорошо», «Очень хочу приехать, но пока не могу», «Perdoname, pero un poco màs tarde». Я, вообще, не очень уверен, что такая страна существует. И что она сама еще существует.

Сегодня двадцать шестое декабря, ночь после Рождества.

За вчера мне выдали двойную дозу зарплаты, что очень вовремя: завтра «дедлайн» оплаты спортзала. Спортзал меня бесит: все равно некому щупать мои развитые причиндалы, но это уже привычка. Брошу железки и бег по ночам – начну тратить деньги на сигареты. А они здесь дорогие, намного дороже качалки.

Нам пора закрывать ресторан, осталось выгнать последнюю парочку, протереть столы, закинуть стулья на эти самые столы и спереть по бутерброду.

Всю смену каждый новый посетитель мне сообщал: «Там такой снегопад!» и «Как вы попадете домой после работы?». Я отшучивался, что я из России и не боюсь. Один товарищ сказал: «Метро на Бруклин не ходит, мосты перекрыты».

– А вас будут развозить по домам? – спросил последний парень-клиент, когда мы пытались стянуть у него из-под руки полупустые тарелки, чтобы вынудить его побыстрее свалить.

– Нет, – ответили я, Баха и Джейн, официантка.

– А где вы живете?

– В Бруклине, – мы ответили хором.

Бруклин, чтобы было понятно, – это часть острова. Манхэттен, где сейчас мы, связан с ним тремя большими мостами.

– Ночуйте здесь тогда, – продолжил парень, – в Бруклин вы не уедете, а значит, и нам не надо спешить. Мы через дорогу живем.

– Почему не уедем? – дальше диалог вела Джейн как са-

мый опытный переговорщик.

– А, да вы понятия не имеете, что там на улице. Ну тогда сами увидите. И дайте мне чек, пожалуйста.

На улице был снег. Представьте ураган «Катрина» зимой. Представьте темную ночь и ни единой души на Манхэттене. Света на полфонаря. Бродвей стал зимней тропой в сельский клуб. Метро работало, но, как гирлянда с прошлого года, кусками.

Джейн пошла ночевать к подруге в двух кварталах от «Плазы». Баха, доехал со мной до Канал-стрит и потерялся где-то в толпе: все люди с поверхности переместились под землю. Оттуда, сделав двадцать пять пересадок и пройдя пешком по сугробам две остановки, отморозив лицо, я попал в терминал вокзала и торгового центра «Атлантик-Пасифик». Полпути было пройдено. «Атлантик-Пасифик» – это уже Бруклин.

Магазины в самом торговом центре, естественно, давно были закрыты, находиться можно было только в прихожей между перроном и станцией метро со сквозящей металлической дверью на улицу. Дальше поезда не ходили. Помимо меня в этом отсеке спасалось, распластавшись на кафельном полу от усталости, человек пятьдесят. Столько же людей толпилось у выхода, готовых ринуться к первому автобусу или такси. Ни того, ни другого там не появлялось.

Для ста человек в одной комнате было тихо. Только один большой черный дядька вслух матерился на погоду и госу-

дарство. Мужик с дипломатом, прислонившийся к центральной колонне, спросил у соседей разрешения закурить. Соседи дали добро, взяв с него дань по сигарете.

– Повезло нам с погодой, да? – Дипломат попробовал начать разговор, но ему только кивнули. Все очень устали.

Я закурил от него тоже. Больше нечего было делать. Мое лицо, поколотое снегом, оттаяло и по ощущениям напоминало отек. Сильно знобило. Очень сильно.

Кто-то крикнул про подъезжающий маршрутный автобус, и половина обитателей комнаты ринулась на перехват. Я видел в окне, как их заметало на остановке. Черный мужик, полоскавший американский Конгресс и лично мэра Блумберга за неготовность к снежной атаке, стоял первым в очереди. Авантюристы держались недолго: через пятнадцать минут все вернулись в берлогу. Автобуса не было. Афроамериканец проворчал несколько фактов в адрес увязшей в снегу пустой машины полиции.

Потом, минут через тридцать, на большом электронном табло сообщили о реанимации линии метро R. Она проходит в трех километрах от моего дома на Кингс-Хайвее.

Три километра можно пройти и пешком. Оторвав согревшийся зад от кафеля, я полез под землю, очень хотелось домой: лечь в кровать и жевать обветренный сэндвич за книгой про Че Гевару, недавно взятой в местной русской библиотеке. За мной в метро потянулись другие, тоже настроившись на моцион.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.